

Ползунков — эпизод 3 из 6

я только так говорю, что так оно было тогда; у меня, то есть, сердце горячее. Вижу, смотрит мне прямо в глаза:

Бога, говорит, вы не боитесь, Осип Михайлыч. Ну, что делать! Я этак развел из приличия руки, голову на сторону: Чем же, я говорю, бога не боюсь, Федосей Николаич?.. Только уж так говорю, из приличия... сам сквозь землю провалиться готов.

Быв так долго другом семейства нашего, быв, могу сказать, сыном, и кто знает, что небо предполагало, Осип Михайлыч! И вдруг что же, донос, готовить донос, и вот теперь!.. Что после этого думать о людях, Осип Михайлыч?

Да ведь как, господа, как рацею читал! Нет, говорит, вы мне скажите, что после этого думать о людях, Осип Михайлыч? Что, думаю, думать! Знаете, и в горле заскребло, и голосенко дрожит, ну уж предчувствую свой скверный норов и схватился за шляпу...

Куда ж вы, Осип Михайлыч? Неужели накануне такого дня... Неужели вы и теперь злопамятствуете; чем я против вас согрешил?..

Федосей Николаич, говорю, Федосей Николаич! Ну, то есть растаял, господа, как мокрый сахар-медович, растаял. Куда! и пакет, что в кармане лежит с государственными, и тот словно тоже кричит: неблагодарный ты, разбойник, тать окаянный, словно пять пудов в нем, так тянет... (А если б и взаправду в нем пять пудов было!..)

Вижу, говорит Федосей Николаич, вижу ваше раскаяние... вы, знаете, завтра... Марии Египетские-с...

Ну, не плачь, говорит Федосей Николаич, полно: согрешил и покался! пойдём! Может быть, удастся мне возратить, говорит, вас опять на путь истинный... Может быть, скромные пенаты мои (именно, помню, пенаты, так и выразился, разбойник) согреют, говорит, опять ваше очерств... не скажу очерствелое, заблудшее сердце...

Взял он меня, господа, за руку и повел к домочадцам. Мне спину морозом прохватывает; дрожу! думаю, с какими глазами предстану я... А нужно вам знать, господа... как бы сказать, здесь выходило одно щекотливое дельце! Уж не госпожа ли Ползункова?

Марья Федосеевна-с, только не суждено, знать, ей было быть такой госпожой, какой вы ее называете, не дождалась такой чести! Оно, видите, Федосей-то Николаич был и прав, говоря, что в доме-то я почти сыном считался. Оно и было так назад тому полгода, когда еще был жив один юнкер в отставке

Михайло Максимыч Двига́йлов по прозвищу. Только он волею божью помре, а завещание-то совершить всё в долгий ящик откладывал; оно и вышло так, что ни в каком ящике его не отыскиали потом...

Ух!!!

Ну ничего, нечего делать, господа, простите, обмолвился, каламбурчик-то плох, да это бы еще ничего, что он плох, штука-то была еще плоше, когда я остался, так сказать, с нулем в перспективе, потому что юнкер-то в отставке хоть меня в дом к нему и не пускали (на большую ногу жил, затем что были руки длинные!), а тоже, может быть не ошибкой, родным сыном считал.

Ага!!

Да-с, оно вот как-с! Ну, и стали мне носы показывать у Федосея Николаича. Я замечал-замечал, крепился-крепился, а тут вдруг, на беду мою (а может, и к счастью!), как снег на голову ремонтёр наскочил на наш городишко. Дело-то оно его, правда, подвижное, легкое, кавалерийское, только так плотно утвердился у Федосея Николаича, ну, словно мортира, засел! Я обиходцем да стороночкой, по подлому норову, так и так, говорю, Федосей Николаич, за что ж обижать! Я в некотором роде уж сын... Отческого-то, отческого когда я дождусь... Начал он мне, сударик ты мой, отвечать! ну, то есть начнет говорить, поэму наговорит целую, в двенадцати песнях в стихах, только слушаешь, облизываешься да руки разводишь от сладости, а толку нет ни на грош, то есть какого толку, не разберешь, не поймешь, стоишь дурак дураком, затуманит, словно вьюн вьется, вывертывается; ну, талант, просто талант, дар такой, что вчуже страх пробирает! Я кидаться пошел во все стороны: туды да сюды! уж и романсы таскаю, и конфет привожу, и каламбуры высиживаю, охи да вздохи, болит, говорю, мое сердце, от амура болит, да в слезы, да тайное объяснение! ведь глуп человек! ведь не проверил у дьячка, что мне тридцать лет... куды! хитрить выдумал! нет же! не пошло мое дело, смешки да насмешки кругом, ну, и зло меня взяло, за горло совсем захватило, я улизнул, да в дом ни ногой, думал-думал да хватать донос! Ну, поподличал, друга выдать хотел, сознаюсь, материяльцу-то было много, и славный такой материал, капитальное дело!